

А. Сыркин

ОБ ОДНОЙ COINCIDENTIA OPPOSITORUM
В ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЕ

Среди "Повестей Белкина" последняя, "Барышня-крестьянка", явственно выделяется своим настроением. "Дивная, грациозная шутка", от которой "светло становится на душе" (А. Искоз), "веселая и шаловливая" (А. Слонимский); произведение, оставляющее в читателе "особо радостное чувство" (А. Коджак), "настроение радостной игры"; картина "утра человеческой жизни, весеннего цветения и радости" (Н.Н. Петрунина)¹ – таковы обычные ее характеристики. Все здесь светло, ничем не омрачено – и общий фон действия, и судьбы всех без исключения героев, и шутливо-иронический тон повествования, звучащий легко и безобидно. Удача неизменно сопутствует отношениям Алексея Берестова и Лизы Муромской – любовь их взаимна, враждующие отцы неожиданно мирятся, а затем все больше сближаются; назревающая, казалось бы, коллизия разрешается самым благоприятным образом. Единственное столкновение – между отцом и сыном Берестовыми – оказывается мнимым, основанным на взаимном неведении: отец, сам того не зная, действует в соответствии с сокровенными желаниями сына, сын противится лишь по забавному недоразумению. Об отношениях Муромского с дочерью нечего и говорить – тот ни в чем не может отказать своей "шалунье", одобряя каждый ее шаг. Попытка Алексея разрушить планы отца счастливо "слаживает" все дело, и союз героев является собой редкостно удачное сочетание брака по любви с браком по расчету². Благом оборачивается несчастный случай: падение Муромского с лошади ведет к примирению соседей; впрочем, и сама вражда их, завершившаяся от "пугливости кудой кобылки" (118), обрисована с тою же "лукавой усмешкой" (110; ср. ниже), а затем высмеяна не кем иным, как Муромским ("Что ты, с ума сошла? – говорит он дочери, – или ты к ним притаешь наследственную ненависть, как романическая героиня?" – 118). Еще одна отрицательная эмоция – негодование мисс Жаксон, чьи сурьма и белилы похищены Лизой (она "бесилась" – как некогда Муромский в ответ на критику соседа – 120; ср. 110), – завершается ко взаимному удовольствию быстрым примирением с проказницей.

Все это делает БК едва ли не единственным в своем роде образцом пушкинской прозы.³ Вряд ли есть необходимость анализировать соответствующие сюжеты. В полной мере относится это и к произведениям с благоприятной связкой – нигде путь героев (тем более – всех героев) не оказывается столь безоблачным. Таковы, например, и "Капитанская дочка", и "Метель" – еще одна из "Повестей Белкина", с которой, кстати, БК сопоставлялась относительно часто (обе представлены автором, как рассказанные И.П. Белкину "девицею К.И.Т." – 61)⁴. Судьба Бурмина и Марии Гавриловны здесь, пожалуй, даже еще больше, до невероятия, удачна, но счастье их строится на редкостном стечении обстоятельств, пагубных для несчастного Владимира, которому остается лишь погибнуть. Счастье Алексея и Лизы никому ничего не стоит, никого не ущемляет. И хотя несомненную роль играют здесь неоднократно уже отмечавшиеся элементы пародии⁵, дело, по-видимому, отнюдь не только в них: соответствующие приемы, включая авторскую иронию, не столь уж редки у Пушкина.

Через два года он приступил к роману "Дубровский" (октябрь 1832 – февраль 1833). Первоначальные планы, предполагавшие, в частности, смерть князя Верейского и совместную жизнь Дубровского ("Островского") с Машей, по-видимому, не удовлетворили автора – произведение осталось неоконченным⁶ и было опубликовано уже после его смерти, в 1841 г. Так или иначе, независимо от разных оценок (в частности, высказывались суждения об отсутствии единства действия в сюжете, о сравнительно большей удаче в создании отдельных образов), Д вошел в литературу как фактически завершенное произведение, "как законченное целое, не предполагающее продолжения"⁷, – в этом качестве он здесь и рассматривается.

В реализованном автором варианте Д опять-таки представляется по-своему исключительным произведением Пушкина. Вражда героев здесь не только остается непоколебленной, но ведет к целому ряду бедствий. Перед нами двойная трагедия – отца и сына, с исключительным постоянством терпящих одно несчастье за другим. Сначала лишается всего отец: друга (по-видимому, единственного и ставшего врагом), имения (и без того захудалого), здоровья, жизни – даже последние его мгновения омрачены видом приближающегося врага. Затем настает очередь сына – тоже редкостного неудачника: он теряет отца, имение, службу (открывавшуюся перед ним военную карьеру), становится вне закона, теряет любимую, наконец, лишается родины. Неудачи преследуют его и в планах мести, жертвой которых становятся по существу невинные люди, но отнюдь не главный виновник.⁸ Несчастна Маша Троекурова, против воли выданная за нелюбимого. Единственная сцена, когда ей, казалось

бы, весело и легко – в гостях у князя ("веселилась как дитя" – 210), вскоре оборачивается несчастьем – сватовством Верейского, брак с которым "пугал ее как плаха, как могила" (211). Далек от радости и виновник всех бед – Троекуров (как уже отмечалось, отнюдь не подходящий под традиционный образ злодея). Помраченное состояние Дубровского "отравило его торжество" от выигранной тяжбы (171), "совесть его роптала... победа не радовала его сердце" (176). Но даже благой его порыв – "помириться со старым своим соседом, ... возвратив ему его достояние" (177) – оборачивается новым бедствием: параличом и смертью Дубровского при виде врага. Оскорблений, вражда, крючкотворство, месть, люди, гибнущие в огне, сцены насилия в изобилии заполняют страницы романа, вплоть до последней (бой, в котором Дубровский собственноручно убивает офицера). О пародировании соответствующей темы говорить не приходится⁹ – она выступает здесь "до полной гибели всерьез", неся бесчисленные беды и калеча жизни. Едва ли не единственное ироническое замечание о разбое Дубровского вложено в уста князя Верейского ("Куда же девался наш Ринальдо?"), который, однако, услышав подробности, тут же изменяет свое отношение ("выслушал с глубоким вниманием, нашел все это очень странным и переменил разговор... велел подавать свою карету, и несмотря на усиленные просьбы... остался ночевать, уехал тотчас после чаю" – 208). И если, как и в прежнем случае, исходить из характера эмоций и из сюжетной канвы, то вряд ли мы найдем в пушкинской прозе другое подобное скопление бедствий и неудач – включая, соответственно, и произведения с трагической связкой. В свое время Белинский писал, что Д "сильно отзывается мелодрамою"¹⁰ – определение, не раз повторявшееся впоследствии и, независимо от возможных уточнений, свидетельствующие о полярной противоположности "Дубровского" "грациозной шутке", какой предстает перед нами "Барышня-крестьянка". Меньшее всего можно предположить "радостное чувство" в читателе этого романа. Добавим, что соответственным образом резко контрастирует здесь и настроение эпиграфов – идиллического из Богдановича: "Во всех ты, Душенька, нарядах хороша" (109) – к БК и единственного поставленного в Д (к гл. IV) траурного державинского: "Где стол был яств, там гроб стоит" (176).

Уже отмечались отдельные точки соприкосновения, позволяющие судить о возможных ассоциациях, связывавших в представлении автора эти два стола несходных текста. Так, на рукописном листе (ПД, № 184), содержащем Д, в числе прочих записей находится и перечень "Повестей Белкина".¹¹ Принадлежавшая Пушкину деревня Кистенево Нижегородской губернии фигурирует как имение Дубровского ("Кисте-

невка"), и то же название появляется один раз в рукописи БК как вариант (не удержавшийся) Прилучина (668). Сопоставлялись, хоть и вряд ли убедительно, отдельные имена героев — так М.С. Альтман сравнивал "древесные" фамилии: Муромский (ассоциация с лесами?) — Берестов — Дубровский.¹² Отдельные литературные источники и прототипы, отмечавшиеся в этой связи, подчас объединяют оба произведения: связь героинь с онегинской Татьяной (тип зачитывающейся романами уездной барышни, верность Маши Троекуровой семейному долгну), параллели с В. Скоттом ("Ламмермурская невеста"), с Мариво и др.¹³ Еще один общий признак — мистификация, встречающаяся и в других творениях Пушкина.¹⁴ Добавим и одну из описок (если не возможный вариант) в имени героини, где, быть может не случайно, она вместо Маши названа "Лизой Троекуровой" (774; это — второе упоминание о ней в романе: ср. 162, 175).

При всем том сравнение интересующих нас текстов ограничивалось, как правило, достаточно общими тематическими аналогиями. Если говорить о привлечении других произведений Пушкина, то БК сравнивается обычно с другими "Повестями Белкина", в рамках которых она почти всегда и рассматривается, а Д — сравнительно чаще — с "Капитанской дочкой".¹⁵ Сколько-нибудь детальное сопоставление БК и Д друг с другом, насколько нам известно, отсутствует. В этой связи следует указать прежде всего на наблюдения Н.Н. Петруниной. Говоря о том, что "Повести Белкина" во многом подготовили Д, она перечисляет ряд конкретных сюжетных параллелей между последним и БК: действие в отдаленной губернии, "близкую расстановку персонажей", характеристику двух соседей в начале повествования, сближение "детей", несмотря на расплю "отцов", увлечение героев охотой, случайный характер внезапного перелома в отношениях, переодевание, почтовая контора в дупле дуба. Тут же указывается и коренное различие (соответствующая той полярности, о которой говорилось выше): отсутствие трагических коллизий в БК в противоположность катастрофическому развитию событий в Д.¹⁶

Перечень этот, на наш взгляд, может быть расширен. Как на уровне сюжета в целом, так и в отдельных мотивах и деталях повествования, БК и Д содержат ряд дополнительных противопоставлений с одной стороны и совпадений — с другой. Сюжетно-эмоциональный и жанровый контраст, отмеченный выше, последовательно отражается в отдельных свидетельствах текста (при этом некоторые противоположности могут быть прослежены и в рамках сходных тем и мотивов — например, охота, переодевание). Вот соответствующие примеры:

БК

Д

Взаимные отзывы
и реакции врагов

Добродушие, шутка:
"Да-с!" говорил он с
лукавой усмешкою;
"...Куда нам по-анг-
лийски разоряться!..."
Сии и подобные
шутки... доводимы
были до сведения...
Англоман выносил
критику столь же
нетерпеливо, как и
наши журналисты. Он
бесился и прозвал
своего зоила медведем
"провинциалом" (110).

Агрессивность, мсти-
тельность: "шутки... и
от Вас... не стерплю –
потому что я не шут..."
...да знает ли он, с кем
связывается?...
Наплачется он у
меня..." (164);
"Он вышел из себя и в
первую минуту гнева
хотел было... учинить
нападение на
Кистеневку" (165).

Отношение к
слугам врага

Игры Алексея с прилучин-
скими гостями (112); его
готовность навестить
прилучинского работника
("непременно буду в гости к
твоему батюшке, к Василью
кузнецу" – 115); дружба
между слугами врагов
("гостода в ссоре, а слуги
друг друга угощают"..."А
нам какое дело до господ! ...
пуской себе дерутся..." – 111).

Расправа Дубровского с
людьми Троекурова ("я тер-
петь шутки от Ваших холо-
пьев не намерен" – 164,
ср.165);
расправа людей Дубровского
с Шабашкиным и при-
казными (183 сл., ср. 786 сл.).

Характер героини

Активность Лизы

Пассивность Маши¹⁷

Цели и результаты
мистификации

Переодевание героини из интереса к герою увенчивается успехом.

Переодевание героя ради планов мести, терпящих неудачу.

Отношение отцов
к дочерям

Муромский во всем потворствует Лизе, одобряя каждый ее шаг – раннюю прогулку (ее первое свидание с Алексеем – 115), непонятный ему маскарад за обедом ("согласен, делай, что хочешь" – 119; "Белилы право тебе пристали" – 120); даже "просватав" ее, он воздерживается от малейшего нажима ("Время все сладит" – 122).

Троекуров... "обходился с нею со свойственным ему своим нравствием, то стараясь угодить малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением" (186). Потворство упомянутое лишь в этом месте, суровость же по ходу действия все возрастает ("Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь" – 213 сл., ср. 219 сл.).

Характер знаменательной
охоты

Удача: "Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника" (118); следует дружеский завтрак у Берестова, а затем – обед Берестовых у Муромского: "Иван Петрович был как дома... смеялся... и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал" (120).

Неудача: "охота не удалась. Во весь день видели одного зайца, и того програвили. Обед в поле также не удался... был не по вкусу Кирила Петровича, который... разбранил гостей и... нарочно поехал и колиами Дубровского" (164).

Перелом в отношениях

Враги становятся друзьями после оказанной помощи; казалось бы, неосуществимые надежды ("Лиза... и не смела надеяться на взаимное примирение" – 117, ср. 113) начинают реализоваться ("недавнее знакомство... более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу" – 122).

Друзья становятся врагами после нанесенной обиды.¹⁸ Отношения все обостряются (ср. 165); примирение (неудачная попытка Троекурова – ср. 176–177), союз между семьями становится все более нереальными.

Отношение отцов
к браку детей

Двустороннее сватовство в конце: отцы сообща задумывают брак между детьми и способствуют ему (122).

Одностороннее сватовство в начале: идея Троекурова (еще до ссоры) выдать Машу за Владимира сразу же отвергается Дубровским из-за имущественных различий (162); впоследствии Троекуров делает все, чтобы предотвратить такой союз.

Практические соображения
и действия отцов

Высокие связи Муромского призваны помочь молодому Берестову (122).

Отец невесты надеется полюбно объединить оба имения путем брака с единственным наследником ("все... имение перейдет в руки Алексею Ивановичу" – 122).

Связи и влияние Троекурова сначала губят старшего Дубровского, а затем разрушают надежды сына. Троекуров всеми неправдами присваивает себе соседское имение.

Характер конфликта детей с отцами

Мнимый конфликт героя с отцом; "антисватовство" Алексея – его попытка объясниться с отцом невесты или с нею самою – счастливо разрешает все недоразумения (123–124).

Действительный конфликт героини с отцом оказывается роковым. Попытка Маши объясниться с нежеланным женихом (ее письмо князю Верейскому – 213) лишь вредит ей.

Брак героев

Устраниены все препятствия к соединению любящих (заключительная реплика отца невесты – 124).

Крушение тайных планов Владимира и Маши, несчастливое венчание ее со старым князем и разлука с любимым¹⁹.

Указанные контрасты выглядят достаточно естественно в контексте отмечавшейся уже полной противоположности двух произведений, и мы хотели подчеркнуть здесь прежде всего более или менее конкретный характер отдельных противопоставлений. Пожалуй, еще более примечательны в этой связи очевидные сюжетно-тематические совпадения, отдельные упоминания о которых (см. выше) могут быть сходным образом детализированы и продолжены:

БК

Д

Характеристика отцов

Берестов "служил... в гвардии, вышел в отставку... уехал в свою деревню" (109).

Берестов "был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах"; "Муромский... в Москве... на ту пору овдовев, уехал... в последнюю свою деревню" (109).

"Дубровский, отставной поручик гвардии... принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне" (162).

Троекуров и Дубровский "оба женились по любви, оба скоро овдовели" (162).²⁰

Мотив англомании

Англомания отца Лизы, Муромского: "Развел он английский сад... Конюхи его были одеты английскими жокеями" (109, ср. 111, 117, 119, 680).

Англомания старого князя Верейского (которого Троекуров "до некоторой степени почитал... себе равным" – 208), становящегося мужем Маши: "он любил английские сады" (207); его дом, парк, выезд – в английском вкусе (ср. 209, 220).

Характеристика детей

Алексей – единственный ребенок (109, ср. 122); Лиза – "единственное и следственно балованное дитя" (111).

У Троекурова и Дубровского "обоих оставалось по ребенку" (162).

а) дочери

Лизе "было семнадцать лет" (111).
"уездные барыгини... знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развиваются и страсти" (110, ср. 665–666: "они все знания почерпакают из фр.[анцузских] книжек – романов... Чтение стихов, романов и уединение ... развиваются в них чувства и страсти"). Лиза перед первой встречей с Алексеем: "Мало-по-малу предалась она сладкой мечтательности" (114).

Маше "В эпоху, нами описываемую,... было 17 лет" (186).²¹
Маша "выросла в уединении... Огромная [библиотека], составленная большей частью из сочинений ф.[французских] писателей 18 века, была отдана в ее распоряжение... Маша... остановилась на романах. Таким образом совершила она свое воспитание" (186–187).²²
Рассказы о Дубровском в присутствии Маши: "барыгини... втайне ему доброжелательствовали, видя в нем героя романтического – особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница" (195).

б) сыновья

Алексей был, в самом деле, "молодец" (110).

После званого обеда, устроенного его людьми, Алексей уделяет внимание всем девушкам ("Целый день с нами так и провозился... да грех сказать, никого не обидел" (112; ср. 670).

"Каков молодец!" (189, ср. 793 – Троекуров о Дубровском-Дефорже).

Владимир ("Дефорж") на балу после званого обеда у Троекурова: "Учитель между всеми отлился, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать" (197).²³

Сплетни соседей

"Сии и подобные шутки, по усердию соседей, доводимы были до сведения Григория Ивановича с дополнениями и объяснениями" (110).

"Оскорбительные выражения" Троекурова "благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные" (164–165).

Внезапность перелома в отношениях

Вдруг важное происшествие чуть было не переменило их взаимных отношений" (117; ср. там же: "Григорий Иванович... наехал на Берестова вовсе неожиданно"; 118: "лопашь... вдруг кинулась в сторону").²⁴

"Нечаянный случай все расстроил и переменил" (162; ср. 165: "Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение").

Обстоятельства охоты

"В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал... взяв с собою пары три борзых, стремянного..." (117).

"Раз в начале осени, Кирила Петрович собирался в отъезжее поле... был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра" (163).

Сословные контрасты и реакции героев в связи с переодеванием

Барышня выдает себя за крестьянку (параллельная попытка Алексея "уровнять их отношения" выдав себя за камердинера – 114).

"Алексей, как ни привязан был... все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою" (117).

"мысли и чувства, необыкновенные в простой девушки, поразили Алексея" (116); "Алексей не мог надивиться ее понятливости... истинно был в изумлении" (121).

Офицер выдает себя за домашнего учителя.

"Маша... воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового" (188; спр. 791: "был для нее род холопа"); "ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку" (204).

"Маша смотрела на него с изумлением... Воображение ее было поражено... Она увидала, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежит одному сославию" (189).

Герой – учитель героини

Алексей обучает "Акулину": "Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте"; "Да у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе" (121).

"Дефорж выезжал давать... уроки" Маше (190); "с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы" (202; спр. 203).

Почта влюбленных

"Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба" (121; спр. 123).

"принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба" (212); "ты знаешь старый дуб с дуплом" (215 и сл.).

Объяснение с отцом

У Берестовых:

"Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.
— Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.
— Воля ваша, Лиза Муромская мне вовсе не нравится... Я не чувствую себя способным сделать ее счастье.
— Не твое горе — ее счастье. Что? так-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!
... Ты женишься, или я тебя прокляну... Даю тебе три дня на размышление... Алексей ... ушел в свою комнату и стал размышлять" (122–123).

У Троекуровых:

"— Панинья... я не люблю князя, я не хочу быть его женой... не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...
—... Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья... послезавтра будет твоя свадьба... Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю то, чего ты и не воображаешь... Добро... а покамест сиди в этой комнате — ... бурное объяснение облегчило ей душу, и она спокойнее могла рассуждать... что надлежало ей делать" (213–214).

Разумеется, совпадения эти отчасти вызваны общими, хоть и поразному трактуемыми, традиционными мотивами (вражда отцов, переодевание, сословное неравенство любящих и т.д.). Тем не менее, указанные примеры позволяют предположить существование ряда добавочных ассоциаций между БК и Д — помимо названных выше (рукопись ПД, № 184 и др.). За недостатком соответствующих свидетельств трудно судить, в какой мере ассоциации эти осознавались автором. Вместе с тем воздействие на Д отдельных, совершенно независимых от БК, источников делает, на наш взгляд, подобные контрасты и сходства тем более примечательными. Приведенные параллели, по-видимому, не случайны, дополнительно свидетельствуя о том, что "в повествовательной системе 'Дубровского' многое подготовлено 'Повестями Белкина'²⁵, и среди них, прежде всего, своеобразным его антиподом — "Барышней-крестьянкой".

Примечания

Ссылки на страницы без прочих обозначений указывают на издание: А.С. Пушкин, Полное собрание сочинений, Ленинград, Изд. АН СССР, т. 8 (ч. I, 1948, 109–124; "Барышня-крестьянка"; 161–223; "Дубровский"; ч. 2, 1940. Другие редакции, планы, варианты; сочтв. 662–696 и 753–833). Ниже приняты следующие сокращения:

БК – "Барышня-крестьянка".

Д – "Дубровский".

ВГК – *Временник Пушкинской комиссии*, Ленинград.

ЛН – *Литературное наследство*

ПИМ – *Пушкин. Исследования и материалы*, Ленинград.

- 1 См. соответственно: А. Искоз, *Повести Белкина – Пушкин*, т. IV, С.-Петербург, 1910, 197–198; А. Слонимский, *Мастерство Пушкина*, Москва 1959, 517; А. Kodjak, "Puškin's utopian myth", *Alexander Puškin. Symposium*, ed. A. Kodjak a.o., Columbus, Ohio. 1980, 117; Н.Н. Петрунина, *Проза Пушкина. (пути эволюции)*, Ленинград 1987, 144; ср. также: Н.Л. Степанов, *Проза Пушкина*, Москва 1962, 62 сл.; А. Лежнев, *Проза Пушкина. Опыт стилевого исследования*, Москва 1966, 166 сл. и др. Не случайно, кстати, на сюжет БК написано больше комических опер и оперетт, чем на какое-либо другое произведение Пушкина (ср. *Пушкин в музыке*, Москва 1974, 180 сл.)
- 2 Можно заметить, что соответствующая развязка ("да у вас, кажется, дело совсем уже слажено..." – 124), подобно своеобразному каламбуру, сближающая и отождествляющая казалось бы противопоставленные до того цели и положения, отвечает одному из основных признаков юмора, закономерно вызывая, в частности, то "радостное чувство", о котором говорилось выше. Всеследо соответствует она и закону эстетической реакции (катарсиса), понимаемой как "эффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение" (Л.С. Выготский, *Психология искусства*, Москва 1968, 272).
- 3 Впрочем, представляется, что ни драмы, ни поэмы Пушкина (включая, например, "Графа Нулина" или "Домик в Коломне") также не дают столь идеалистической картины, где ни один из персонажей не терпел бы никакого ущерба.
- 4 См. напр. В.В. Виноградов, *Стиль Пушкина*, Москва 1941, 545 сл., 552 сл., 559 сл., 563 сл. Ср. также Kodjak, 117–131 – сопоставление БК, "Капитанской дочки" и "Сказки о царе Салтане" по ряду общих мотивов (в частности, зло, обирающаяся благом).
- 5 Понятие это, по-видимому, нуждается, применительно к "Повестям Белкина", в определенных коррективах: "Мы имеем дело здесь не с пародией, а с особым приемом поэтики: персонажи и сюжетно-фабульные коллизии пушкинской повести, ассоциативно связанные с известными читателю традиционно-литературными типами и ситуациями, на их фоне раскрывают свою подлинную природу" (Петрунина, *Проза*, 145, прим. 22). Об отражении в БК традиционных мотивов родовой вражды, любви знатного юноши к бедной девушке, об иронизации над байронизмом (молодого Берестова) и т.д. см.

В. Виноградов, *О стиле Пушкина*, 16–18. Москва, 1934, 175, сл.; его же, *Стиль*, 436 сл., 459 сл.; Степанов, 62, 198; Лежнев, 166 сл.; Петрунина, *Проза*, 138 сл. и др. В этой связи не раз отмечались параллели между БК и произведениями как русской (напр., "Бедная Лиза" Карамзина), так и западно-европейской литературы – Шекспира ("Ромео и Джульетта"), В. Скотта ("Ламмермурская невеста"), Мариво ("Игра любви и случая" – сходство, отмеченное еще Катениным; ср. "Воспоминания П.А. Катенина о Пушкине", ЛН, 16–18, 642; 656 – прим. Ю. Оксмана), Монтолье ("Урок любви"), А. Лафонтена ("Миниатюрный портрет") и др. Ср. помимо названных выше работ: М.С. Альтман, "Барышня-крестьянка", *Slavia*, X, 1931, 782–792; J. van der Eng, *Les récits de Belkin. Analogie des procédés de construction – The tales of Belkin by A.S. Pushkin. Essays*, The Hague, Paris 1968, 23 sq.; Л.И. Вольперт, "Пушкин и французская комедия XVIII в.", ПИМ, IX, 1979, 183 сл.; P. Debreczeny, *The other Pushkin. A study of Alexander Pushkin's prose fiction*, Stanford 1983, 84 sq., 159 и др.

- ⁶ См. в этой связи: Н.Н. Петрунина, Г.М. Фридлендер, *Над страницами Пушкина*, Ленинград, 1974, 80 сл.; Н.Н. Петрунина, *К творческой истории романа «Дубровский»*, ВПК, 1976 [вып. 14], 1979, 15–23; ее же, *Проза*, 162 сл.
- ⁷ Петрунина, *Проза*, 176; Степанов, 209; об элементах случайного в сюжете Д см. также: Г.А. Гуковский, *Пушкин и проблемы реалистического стиля*, Москва 1957, 375; в БК – В.С. Узин. *О повестях Белкина*, Петербург 1924, 63 сл. Ср. Анна Ахматова, *О Пушкине*, Ленинград, 1977, 272: ««Дубровский» – неудача Пушкина».
- ⁸ Это "плохой борец за попранные справедливость и плохой любовник, упускающий любимую девушку и оставляющий без заслуженного наказания врага" (Н.О. Лернер, *Проза Пушкина*, Петроград–Москва 1923, 40).
- ⁹ Сходным образом известен и ряд повлиявших на Д источников – как документальных (дело о тяжбе между Муратовым и Крюковым, рассказанная Пушкину история белорусского дворянина Островского), так и литературных (традиционный образ "благородного разбойника", мотив родовой вражды) – например, произведения В. Скотта ("Ламмермурская невеста", "Гай Мэннеринг" и др.), Г. Клейста ("Михаэль Кольгаас"), Ж. Санд ("Валентина"). Одновременно с Д (в 1832–1834 гг.) писался незаконченный роман Лермонтова "Вадим". См. Т.П. Соболева, *Повесть А.С. Пушкина «Дубровский»*, Москва, 1963, 7 сл.; J. Bayley, *Pushkin. A comparative commentary*, Cambridge 1971, 340; Л.С. Сидяков, *Художественная проза А.С. Пушкина*, Рига 1973, 95 сл.; И.В. Зборовец, ««Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта», ВПК 1974, [вып. 12], 1977, 131–136; Петрунина, *К творческой*, 20 сл.; ее же, *Проза*, 176 сл.

¹⁰ В.Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. VII. Москва 1955, 577.

¹¹ Петрунина. *К творческой*, 17 сл., прим. 6.

¹² Альтман, 788; ср. А.Л. Бем, "Личные имена у Достоевского", *O Dostojevském. Sborník statí a materiálů*, Praha 1972, 283, п. 49, а также резкую критику подобных сопоставлений: Д.П. Якубович, "Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г.", *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*, 1, Москва-Ленинград 1936, 306. Заметим в этой связи, что в заключительной сцене романа крауэльщик шайки Дубровского поет популярную разбойничью песнь "Не шуми, мати зеленая дубровушка" (222) – возможная ассоциация фамилии героя с образом разбойничьей вольницы (соответственно, убежища от мирских волнений и зол – характерный у Пушкина мотив; ср. его строки о бегстве в "широкошумные дубровы" – "Поэт"). Еще одно звучание здесь – с дубом (общая "почтовая" деталь БК и Д – ср. ниже). Можно добавить, что соответствующие фамилии (включая рукописные их варианты) также обнаруживают ряд звуковых ассоциаций: ср. БК: Курочкина (посредница в любовной переписке Алексея – 110, 665) – Д: Троекуров; БК: Муромский – Д: Нарумов (рукописный вариант Троекурова – 829; ср. также с прототипом Дубровского, Муратовым – 764 сл.); БК: Берестов – Д: Верейский. Трудно, впрочем, судить о том, в какой мере ассоциации эти осознавались автором, и тем более – предполагать здесь непосредственное влияние: отдельные фамилии в Д (Муратов, Троекуров, Верейский) были, во всяком случае, подсказаны документальными источниками. Ср. М.Б. Рабинович, "Фамилии в романе «Дубровский»", *ВПК*, вып. 20, 1986, 172–174.

¹³ Ср. Лежнев, 207 сл.; Слонимский, 517; Зборовец, 131 сл.; Вольперт, 186, прим. 52; Петрунина, Проза, 187. Добавим еще одну деталь, которая может выступать в этой связи как дополнительный аналог – и контраст – между двумя произведениями: с одной стороны, весьма вероятно воздействие на Д романа Ш. Нодье "Жан Сбогар" (популярной в те годы истории таинственного мятежного героя – ср. Сидяков, 97; Петрунина, Проза, 184 сл.), с другой – это имя появляется (вслед за "Евгением Онегиным") и на страницах БК. Это "прекрасная лягавая собака" Берестова, "верный Сбогар" (114, 116). Автор, как можно предположить, комически обыгрывает страх, вызываемый "таинственным Сбогаром" ("Евгений Онегин"; III, XII): "Небось, милая,... собака моя не кусается" (114) – успокаивает Алексей испуганную Лизу. Пародийный замысел, видимо, подтверждается здесь и одним из рукописных вариантов БК, где собака названа именем байроновского Лары (674 – дополнительное свидетельство иронизирования над "байронизмом" героя; ср. Виноградов, *Стиль*, 459, 558).

- ¹⁴ См. напр. О.С. Муравьева. "Из наблюдений над «Песнями западных славян»", ПИМ, XI, 1983, 150.
- ¹⁵ Ср. Лежнев, 166 сл.; Bayley, pp. 338 sq.; В. Шкловский, *Пушкин и проблемы реалистического стиля*, Москва 1957, 375 сл.; Слонимский, 517 и др.
- ¹⁶ Ср. Петрунина, *Проза*, 170–171 (там же, 139, 143 – о возможностях "и комедии, и трагедии" в БК). В.С. Узин (68–69, ср. 64) также противопоставлял эти произведения, исходя из случайного развития событий (ср. выше, прим. 7) при сходных предпосылках: если бы не "пугливость купой кобылки", обстоятельства стали бы трагедийными, а повесть о барышне-крестьянке стала бы "Дубровским" или "Ромео и Джульеттой".
- ¹⁷ Ср. Узин, 59, прим. 1. В этом смысле образ Маши, пожалуй, в большей мере соответствует пушкинскому представлению о женском совершенстве, связанному у него с идеями неподвижности, покоя, законченности – ср. портреты Татьяны ("Евгений Онегин", VIII, XIV сл.), с которой, кстати, не раз сопоставлялась Маша Троекурова; "Красавицы" ("Все в ней гармония, все диво..." – о Е.М. Завадовской) и др. Ср. М. Гершензон, *Мудрость Пушкина*, Москва 1919, 14 сл.; И. Анненский, *Книги отражений*, Москва 1979, 131.
- ¹⁸ Представленные здесь два противоположных мотива традиционны не только в хорошо знакомой Пушкину западно-европейской литературе, но уже в художественном творчестве Древнего Востока. Темы эти, в частности, имеют первостепенное значение в классической индийской дидактике, существенно повлиявшей на мировую повествовательную литературу Средневековья и Нового времени. Таковы I – II книги знаменитого сборника басен "Панчтантра" (ок. III–IV вв. н.э.), трактующие соответственно о "разъединении друзей" и о "приобретении друзей" (то есть дружбе, заключенной бывшими врагами). Та же тематика отразилась в композиции другого известного индийского сборника, созданного на основе "Панчтантры", – "Хитопадеша" и т.д.
- ¹⁹ Можно отметить в этой связи и некоторые другие детали повествования. Таковы, например, явно контрастирующие образы цепного медведя: в БК "Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожатого" (117 – ответный поклон соседу при случайной их встрече на охоте, закончившейся примирением); он же прозван выше "медведем провинциалом" – 110, ср. 664). В Д этот цепной медведь – "разъяренный зверь", пугавший, ради хозяйской забавы, гостей Троекурова и убитый Дубровским (188–189). Еще один контраст – в функции женских драгоценностей: "все бриллианты ее матери... сияли на ее пальцах, ищущих ушах" – в таком виде, "смешной и блестящей", появляется Лиза,

маскирующаяся в комической ситуации встречи с Берестовым (120). Драгоценное убранство выступает и в один из самых тяжелых моментов для Маши Троекуровой, когда ее "бледную, неподвижную" наряжают перед венчанием с нелюбимым князем: "голова ее томно клонилась под тяжестью бриллиантов" (219).

²⁰ О мотиве вдовства ср. Петрунина, *Проза*, 108 сл.

²¹ Вообще, семнадцатилетний возраст героини, начиная с "Руслана и Людмилы" (гл. III. 132), – достаточно характерная деталь у Пушкина; в частности, и в "Повестях Белкина". Таковы, помимо Лизы и Маши, Марья Гавриловна ("Метель" – 77), Лотхен ("Гробовщик" – 91). Ср. также "Арап Петра Великого" (Наталья Ржевская – 19, 512; впрочем, согласно 31, 530, ей 16 лет), "Роман в письмах" (47). 17 лет и Татьяне, пишущей письмо Онегину (*Полн. собр. соч.*, т. XIII, 1937, 125, письмо к П.А. Вяземскому).

²² Здесь, опять-таки, и Лиза, и Маша (Марья Кирилловна) соответствуют Марье Гавриловне, также воспитанной "на французских романах" ("Метель" – 77) – характерная черта в образе уездной барышни. (ср. "Евгений Онегин" II. XXIX; III. IX сл.; VII. XX сл.; VIII. V; "Роман в письмах" – 47), как, впрочем и москвички Полины ("Ростислав" – 150). Ср. Виноградов, *Стиль*, 557, 559 сл.

²³ Еще одна, косвенная, параллель к портретам молодых героев: "Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию" (172, ср. 769–770). Алексей Берестов, лишь намеревавшийся "вступить в военную службу..." был, в самом деле, молодец. Право было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир" (110, ср. 664–665).

²⁴ Ср. об элементе неожиданности в "Повестях Белкина": Б.М. Эйхенбаум, "Болдинские побасенки Пушкина", *Жизнь искусства*, № 316–317, 14 декабря 1919, 2.

²⁵ Петрунина, *Проза*, 170.